

10. Куцев Г. Ф. Новые города / Г. Ф. Куцев. — М. : Мысль, 1982. — 269 с.
11. Левин М. Советский век / М. Левин. — М. : Европа, 2008 — 680 с.
12. Лаппо Г. М. Города России. Взгляд географа / Г. М. Лаппо. — М. : Новый хронограф, 1994. — 504 с.
13. Мысовский Н. А. К вопросу о развитии общественных начал в работе культурно-просветительных учреждений (по материалам Иркутской области) / Н. А. Мысовский // О некоторых вопросах строительства социализма. — Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1964. — 225 с.
14. Народное хозяйство Иркутской области. — Иркутск : Областное статистическое управление, 1972. — 286 с.
15. Народное хозяйство Иркутской области 1981–1985 гг. — Иркутск : Областное статистическое управление, 1987. — 167 с.
16. Очерки истории красноярской краевой организации КПСС. 1895–1980. — Красноярск : Красноярское кн. изд-во, 1982. — 600 с.
17. Подсчитано по : Итоги всесоюзных переписей населения 1959 и 1989 гг. [Электронный ресурс] — URL : demoscope.ru.
18. Салахова Л. М. Культура молодых индустриальных городов Восточной Сибири в середине 1950-х — 1980-е гг. Опыт Братско-Усть-Илимского территориально-производственного комплекса / Л. М. Салахова. — Братск : Изд-во БрГУ, 2005. — 220 с.
19. Славина Л. Н. Образование и интеллектуальный потенциал Красноярского края (некоторые итоги развития в советский период) / Л. Н. Славина // Народное образование в Красноярском крае. III Краеведческие чтения. — Красноярск : Красноярское кн. изд-во, 2002. — 187 с.

Информация об авторе

Гонина Наталья Владимировна — доцент, кафедра истории и политологии, Красноярский государственный аграрный университет, 664000, г. Красноярск, ул. Мира, 90, e-mail: nvg7@mail.ru.

Author

Gonina Natalya Vladimirovna — Associate Professor, Chair of History and Political Science, Krasnoyarsk State Agriculture University, 90, Mira st., Krasnoyarsk, 664000, e-mail: nvg7@mail.ru.

УДК 93/94
ББК 63.3

В. А. КУДАШКИН

РЕЗУЛЬТАТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА В ОТНОШЕНИИ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СИБИРИ В 1950–1991 гг. (по материалам Иркутской области и Красноярского края)

На основе анализа архивных материалов и литературы автор попытался исследовать опыт национальной политики советского государства в отношении коренных малочисленных народов (долган, нганасан, тофаларов, эвенков, энцев и кетов). В результате исследования

удалось проследить, как в течение второй половины XX в. нарастали социальные, экономические и культурные проблемы у исследуемой части населения.

Ключевые слова: национальная политика СССР, коренные малочисленные народы.

V.A. KUDASHKIN

**THE RESULTS OF THE NATIONAL POLICY
OF THE SOVIET STATE IN RESPECT OF INDIGENOUS
NUMERICALLY SMALL PEOPLES OF SIBERIA IN 1950–1991
(on materials of Irkutsk region and Krasnoyarsk krai)**

On the basis of the analysis of archival materials and literature the author tried to investigate experience of national policy of the Soviet state concerning the small numerals peoples (dolgans, nganasan, tofalars, evenks, enets and kets). As a result of research it was succeeded to track as during the second half of the XX century social, economic and cultural problems at studied part of the population accrued.

Keywords: national policy of USSR, small numerals peoples.

Идеология советского государства в силу определенных факторов национальной политики попыталась унифицировать этническую идентичность в виде понятия «советский народ» [5, с. 23]. Особенно это стало заметно с 50-х до 80-х гг. XX в. Когда административно-командная система, нуждавшаяся в предельно централизованных единообразных структурах, игнорировала потребности национального развития аборигенного населения; возобладал ведомственный, бюрократически усредненный подход, который проявлялся в размещении производительных сил, в решении проблем языка, образования и культуры.

Районы проживания изучаемых нами народов были различными. Так, например, долганы и нганасаны, проживающие в лесотундре на п-ове Таймыр, сохранили больше своей национальной идентичности, в силу того, что в данных условиях плотность населения была не большой из-за климатических условий. Это в свою очередь сказывалось на появлении поселков. Тофалары Иркутской области, эвенки и кеты Красноярского края проживали в районах лесной тайги в условиях более мягкого климата. Места их проживания (станы) были оговорены еще советской властью в жесткие 30-е гг. XX в.

Такие специфические региональные и природные условия проживания малочисленных народов естественным образом отражались на хозяйственной деятельности и экономическом развитии. Основными отраслями хозяйства малочисленных народов Иркутской области и Красноярского края являлись оленеводство, охота, рыболовство, добы-

ча пушнины. Однако, у долган и нганасан отличительной особенностью была охота на морскую нерпу, так как места их расселений были близки к Северному Ледовитому океану. Также с переходом на оседлый образ жизни, народы севера Красноярского края с начала 70-х гг. XX в. начали работать на зверофермах.

В изучаемый период плановый характер советской экономики повлиял на экономическое развитие долган, нганасан, эвенков, кетов, энцев и тофалар. Задачи, которые ставились государственным аппаратом, подчас были не совместимы с конкретными экономическими условиями развития данных регионов. Если на севере Красноярского края было самое большое оленье стадо в истории СССР, то к концу 1980-х гг. его численность стала уменьшаться [3, с. 7]. Несмотря на это, партийное руководство не предпринимало решительных мер для сохранения и развития главной отрасли сельского хозяйства в данном регионе. Такая же картина сложилась и у кетов на Таймыре, из-за этого там оленеводство как отрасль народного хозяйства исчезла совсем.

В связи с ликвидацией национальных колхозов в 80-е гг. XX в. снизилось число представителей малочисленных народов, занятых в общественном сельскохозяйственном производстве, а так же это привело к снижению их заинтересованности в увеличении производственных показателей [1, с. 28].

Советское государство помимо решения экономических вопросов занималось вопросами социальной политики. Основные положения этой политики касались систем здравоохранения и образования. Роль своеобразного медпункта с 1950-х гг. на территории Иркутской области и Красноярского края выполняли «Красные чумы». Из-за недостатка профессиональных медицинских кадров, необходимых для работы в стационарных учреждениях, в поселки с 1960-х гг. стали организовываться выездные медицинские комиссии. Эти комиссии давали малочисленным народам возможность получить должное медицинское обслуживание, которое не всегда им было доступно в рамках имевшихся в поселках больниц и фельдшерских пунктов [2, л. 17]. Такая политика приносила свои плоды, существенно снизились показатели по инфекционным и хроническим заболеваниям. В целом таймырские народности получали не такое полное и качественное медицинское обслуживание как кеты, тофалары и эвенки Иркутской области и эвенки и кеты, проживающие на территории Красноярского края. Это объясняется сравнительно недавним переходом от оленеводческого хозяйства и от кочевого образа жизни к оседлости.

Важным институтом, через который решались вопросы национальной политики, было образование. Обучение в школах-интернатах велось с отрывом от родителей, так как интернаты находились далеко от мест проживания малочисленных народов. Характерно, что у кетов и эвенков

школы — интернаты располагались в соседних поселках, а детей долган и нганасан Таймыра увозили на обучение в крупные школы-интернаты, расположенные в городах. Здесь уже учителями являлись представители русского населения, соответственно и обучение велось на русском языке. Детям было необходимо учить русский язык, вследствие чего они частично забывали свой родной, вспоминая его лишь на каникулах общаясь с родными [6, с. 104]. Таким образом, нарушался процесс межпоколенной связи. Общим же для изучаемых народов являлось то, что существовавшая система образования приводила к отрыву от семьи и нарушению процесса передачи трудового опыта и навыков.

Когда дети возвращались из школ-интернатов в поселки, они уже забывали некоторые методы и способы ведения домашнего хозяйства.

Такая ситуация сохранялась до начала 80-х гг. XX в., пока советское государство не стало проводить политику, направленную на сохранение и развитие традиционных отраслей хозяйства. В школах стали вводиться такие предметы как основы экономической жизни колхоза, охотоведение и оленеводство [10, с. 46]. Это свидетельствовало о заинтересованности государства в сохранении и развитии важнейших отраслей народного хозяйства коренных этносов. Однако и здесь можно выявить недочеты — практика по этим предметам не была полностью обеспечена, не хватало квалифицированных педагогических кадров для работы в школах.

Существенные изменения произошли в материальной и бытовой культуре малочисленного населения. Так, например, изменение жилища является одним из ярких примеров межкультурного взаимодействия. У долган и нганасан, закрепившихся в поселках, использовался в качестве жилища чум, они стояли прямо среди населенных пунктов, так как существовала жилищная проблема: отсутствие материала для строительства домов. Енисейские кеты и эвенки хранили чум во дворе, как хозяйственное помещение, которое со временем потеряло свою надобность [8, с. 26]. В отличие от других изучаемых народов, у тофаларов дома появились еще в 1930-е гг., а чумы простояли до 1975 г. Именно тогда во время празднования 50-летия советской власти в Тофаларии чумы насильственно убрали.

Общим же для всех народов было то, что их дома стали походить на типичные постройки русских деревень. Это относилось и к внутреннему убранству дома. В 1980-е гг. в связи с ускорением темпов промышленного освоения территории Красноярского края, кеты и эвенки стали иметь в домах городскую фабричную мебель, занавески на окнах, разнообразие так называемой городской посуды, — все это свидетельствовало о влиянии межкультурного взаимодействия и росте материального благосостояния у коренного малочисленного населения. Такая же ситуация характерна и для эвенков Иркутской области [8, с. 29]. Но у тофалар процесс появления новых предметов в домашнем интерьере проходил

медленнее из-за отдаленности от районного центра. Но самое интересное, что у долган и нганасан таких предметов обихода почти не было.

Произошла серьезная модернизация одежды. Взрослые и дети пользовались покупной одеждой. Постепенно большинство из них отказались от национальных традиций изготовления, украшения одежды. Результатом всего этого явилось то что, к концу 80-х гг. XX в. традиционная одежда практически вышла из употребления. Но не везде, звенки, нганасаны и долганы на Таймыре сохранили ее для промысла в тундре.

Претерпели изменения пищевые традиции, но не везде, в поселках звенков, тофалар и кетов в Иркутской области блюда из традиционной кухни практически не входили в рацион питания. Их употребление было связано лишь с нахождением на промысле в тайге и лесотундре. У народов, проживавших на севере Красноярского края, привезенные геологами-изыскателями рецепты были в диковинку и приживались с трудом. Коренное население Таймыра в основном продолжало употреблять в рацион блюда национальной кухни, так как основным сырьем для их приготовления оставалась дикая или домашняя оленина, буровая дичь, рыба и мясо морской нерпы [11, с. 29].

С начала 70-х гг. XX в. оказал свое влияние и научно-технический прогресс. Лодочные моторы, снегоходы, мотоциклы, телевизоры, радиоприемники, — все это привнесло разнообразие в жизнь малочисленных народов и закрепилось до наших дней. Для связи с внешним миром использовались рации. В тех районах, где плохо была организована поставка необходимых товаров, население лишалось единственного источника информации, так как из-за отсутствия батареек радиоприемники не работали.

Влияние советской культуры проявлялось не только в бытовой повседневной жизни малочисленных народов, но и касалось их культурной жизни. Советское руководство начало проявлять интерес к духовной стороне жизни малочисленных этносов только с середины 70-х гг. XX в., так как до этого момента оно заботилось об их материальном благосостоянии [4, с. 81]. Соприкосновение совершенно разных институтов, по сути, организационная работа клубов, с одной стороны, и культурно-исполнительская в лице коренного населения — с другой, давали положительный творческий результат. Клубными работниками становились представители из числа местной интеллигенции, специалисты, получившие образование и направляемые на места по распределению не были заинтересованы в своей работе из-за отсутствия условий проживания [8, с. 22]. Новое жилье не строилось, а в уже построенных домах не было мест. Такая ситуация была характерна для всего изучаемого региона в особенности для северных территорий Красноярского края

Изменение ситуации произошло в 70–80-е гг. XX в. стали проводиться ежегодные смотры национальной самодеятельности. Это создавало хоро-

шую и нужную традицию по сохранению фольклора и национальной культуры. Так появились различные национальные ансамбли. При поддержке отделов культуры Иркутской областной администрации и Нижнеудинской районной в поселках Тофаларии проводилась работа по восстановлению национальной этнической культуры. Устраивались почти ежегодные тофаларские летние игры, в которых принимало участие все население Тофаларии. В Катангском районе Иркутской области возродили традицию отмечать ежегодный праздник «День охотника и оленевода».

Велась пропаганда здорового образа жизни посредством радиовещания. В 1975 г. в Эвенкии и на Таймыре выходил целый цикл радиопередач, посвященных воспитанию подрастающего поколения, здоровому образу жизни и советской культуре. Важным является то, что передачи транслировались на национальном языке, это способствовало сохранению национальной культуры. В Тофаларии же, наоборот радиовещание велось на русском языке [7, с. 59].

В целом, говоря о развитии культурной жизни при взаимодействии национальной культуры малочисленных народов с советской, важно отметить, что коренным этносам удалось не только сохранять признаки национальных особенностей, но и развивать свою культуру [9, с. 287]. Идеологическая пропаганда того времени выдвигала положение об «общей культуре народов СССР», это в свою очередь стимулировало процесс межкультурного взаимодействия в конце 80-х гг. XX в.: возрождение традиции шитья национальных костюмов, исполнение танцев и песен, но уже с «советским» оттенком, появление этнокультурных и национальных центров.

Важно отметить, что межкультурное взаимодействие повлияло и на обрядовую культуру. Насаждение советским руководством среди малочисленных этносов чуждых им идеологических и поведенческих стереотипов мешало сохранению некоторых культурных особенностей, например, религиозных верований и шаманизма, в частности. Особенно преследовались тофаларские шаманы, в результате репрессий и антирелигиозной пропаганды институт шаманизма был практически полностью искоренен [4, с. 80]. Другая ситуация наблюдалась на севере Красноярского края, в силу удаленности территории и позднего перехода на оседлый образ жизни шаманизм долго сохранялся у нганасан и долган. В результате ассимиляции и аккультурации у малочисленных народов изменились свадебные и похоронные обряды. Свадьбы стали играть на русский манер. Хоронить стали на общем кладбище, но без памятников. Стали отмечаться советские праздники: Новый год, Восьмое марта, Первое мая, Седьмое ноября.

Социально-экономическое и культурное развитие малочисленных народов Иркутской области и Красноярского края во второй половине 1950-х — 1991 г. находилось под идеологическим влиянием «советской

культуры», которая оказала как положительное, так и негативное воздействие на долган, нганасан, тофалар, кетов, эвенков и энцев. Концепция развития малочисленных народов должна была строиться на обеспечении права выбора социально-экономического устойчивого развития, форм хозяйствования и духовно-нравственного возрождения путем целенаправленного, системного, согласованного и эффективного применения различных механизмов, учитывающих специфику бытия малочисленных народов. Основой должна была служить организация перехода от навязанных (и поэтому иждивенческих, несамостоятельных, искусственных) форм жизни малочисленных народов к нетрадиционным формам жизни, строящимся на принципах самоорганизации, самоуправления и саморазвития, расширения возможностей и активности малочисленных народов в решении своих многообразных проблем. Но Советское государство решало эту проблему по своему, проводя политику удобную для руководителей партийно-государственных структур и зачастую не учитывающую интересы самих малочисленных народов. Тем не менее, малочисленным народам частично удалось сохранить свою национальную идентичность.

Список используемой литературы и источников

1. Аракчаа К. Д. Коренные малочисленные народы Севера / К. Д. Аракчаа, П. Х. Зайдфудим. — М. : Научная книга, 1999. — 148 с.
2. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 259. Оп. 48. Д. 2228.
3. Копцева Н. П. К вопросу о сохранении и воспроизводстве традиционной культуры коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в Сибирском федеральном округе / Н. П. Копцева // *НВ: проблемы общества и политики*. — 2013. — № 12. С. 1–16.
4. Кудашкин В. А. Изменения духовной культуры у малочисленных народов Севера и Сибири в XX в. / В. А. Кудашкин // *Проблемы социально-экономического развития Сибири*. — 2011. — № 4. С. 79–82.
5. Кудашкин В. А. Медицинское обслуживание малочисленных этносов Иркутской области и Красноярского края в 50–80-е гг. XX в. / В. А. Кудашкин // *Вестник Поморского университета. Серия: Физиологические и психолого-педагогические науки*. — 2007. — № 4. — С. 25–29.
6. Кудашкин В. А. Процесс аккультурации у коренных малочисленных народов Восточной Сибири в условиях советской системы в 1920–1980-е гг. / В. А. Кудашкин // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. вопросы теории и практики*. — 2012. — № 3-2. С. 102–105.
7. Кудашкин В. А. Сохранение языковой памяти у коренных малочисленных народов Восточной Сибири во второй половине XX в. / В. А. Кудашкин // *Проблемы социально-экономического развития Сибири*. — 2013. — № 4 (14). С. 58–60.
8. Кудашкин В. А. Социально-экономическое и культурное развитие малочисленных народов Сибири во второй половине 1950-х — 1991 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / В. А. Кудашкин. — Иркутск, 2008. — 32 с.
9. Никитин М. А. Государственная национальная политика Российской Федерации в отношении коренных малочисленных народов Севера в контексте

проведения в Российской Федерации международного десятилетия коренных народов мира / М. А. Никитин // Вестник Самарского государственного университета. — 2008. — № 64.2. — С. 281–288.

10. Петров Ю. Д. Народы Севера: власть и политика / Ю. Д. Петров. — М., 2009. — 114 с.

11. Таксаками Ч. М. Народы Сибири в XX веке: социально-экономическое и культурное развитие / Ч. М. Таксаками // Экология этнических культур Сибири накануне XXI века. — СПб., 2006. — С. 130–143.

Информация об авторе

Кудашкин Вячеслав Александрович — кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории и политологии, Братский государственный университет, 665709, г. Братск, ул. Макаренко, 40, e-mail: slava1982_@rambler.ru.

Author

Kudashkin Viacheslav Aleksandrovich — PhD in Historical Sciences, Associate Professor, Chair of History and Political Science, Bratsk State University, 40, Makarenko st., Bratsk, 665709, e-mail: slava1982_@rambler.ru.

УДК 343.26(571.5)(091)

С.Л. КУРАС

ББК 67.408.022(2Рос5)г

ПРАВОВЫЕ ИСТОЧНИКИ НА СТРАНИЦАХ «СИБИРСКОЙ ССЫЛКИ»

Статья посвящена обзору правовых источников по истории уголовной и политической ссылки, используемых авторами сборников научных статей «Ссылынные революционеры в Сибири (конец XIX в. — февраль 1917 г.)» и «Сибирская ссылка» на протяжении 1970–2010-х гг.

Ключевые слова: правовой источник, законодательные акты, материалы делопроизводства.

S.L. KURAS

LEGAL SOURCES ON PAGES OF THE «SIBERIAN EXILE»

Article is devoted to the review of legal sources on history of the Siberian criminal and political exile, collections of scientific articles used by authors «Exiled revolutionaries in Siberia (the end of the XIX century — February, 1917)» and «Siberian exile» for the 1970–2010 the years.

Keywords: legal sources, acts, office-work materials.

Начиная с 1973 г. выходит в свет тематический сборник, посвященный одному из важнейших вопросов для сибирского региона — ссылке. До 2000 г. он носил название «Ссылынные революционеры в Сибири (конец XIX — февраль 1917 г.)», сейчас официально именуется «Сибирь-